

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

К 536/44

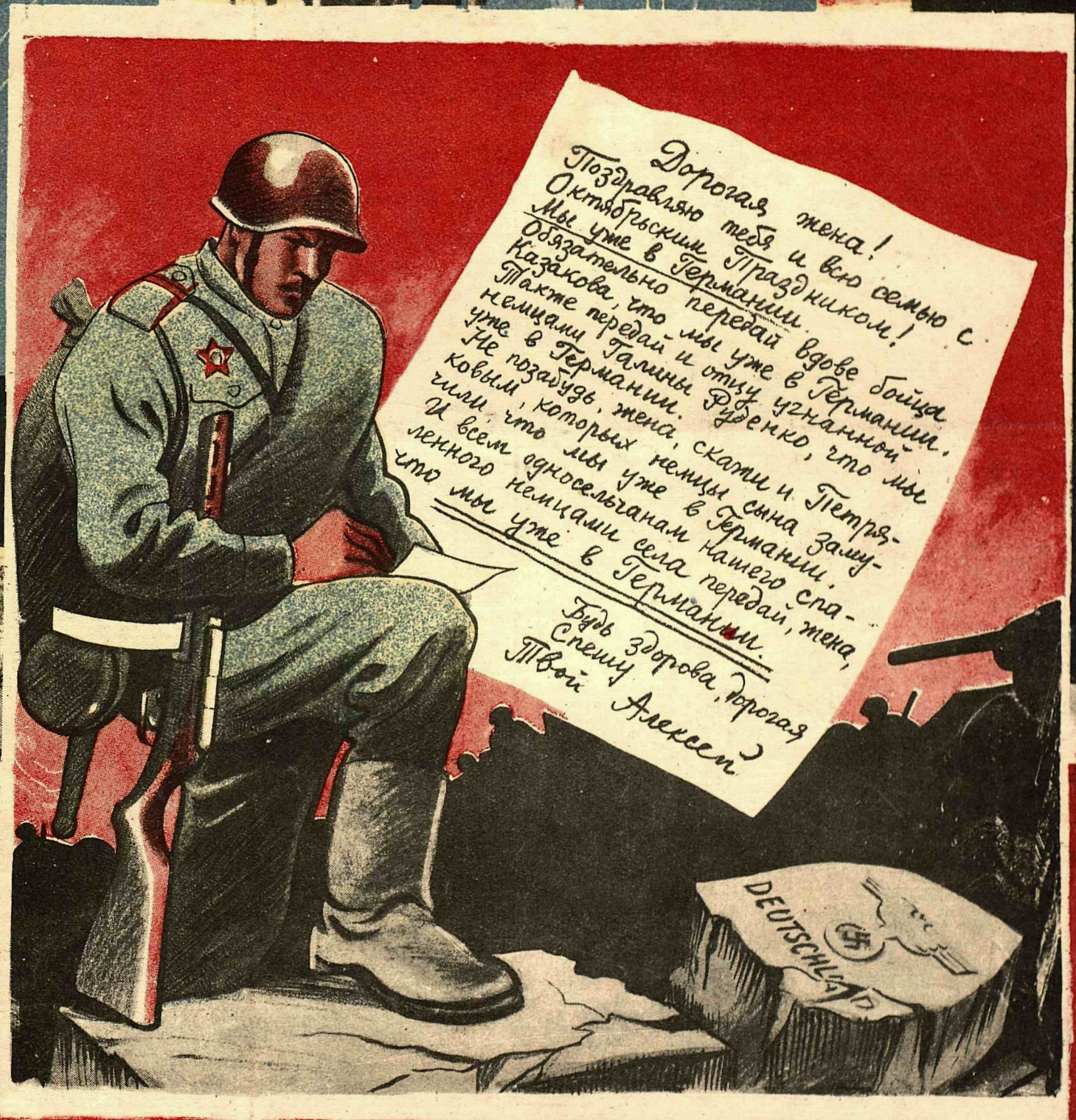
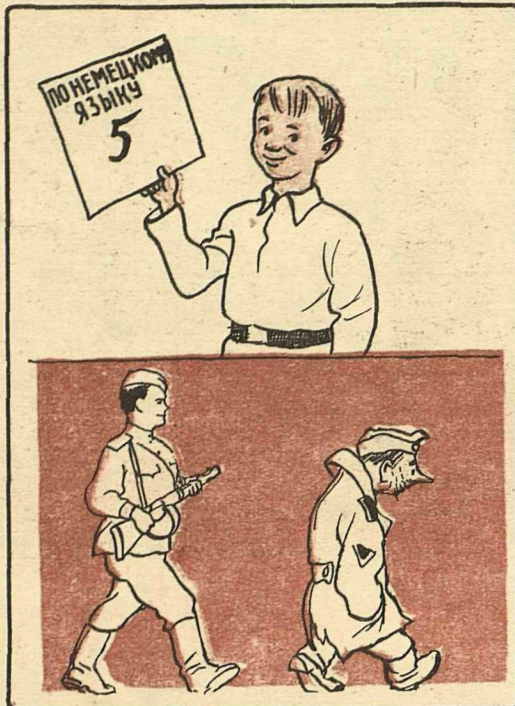

Рис. Бор. Ефимова

АЛЬБОМ ДРУЗЕЙ

Боевые товарищи — боец Иванов и Н-ский завод. Оба были ранены. Оба вновь вступили в строй.

Петя Анисимов и его отец сержант Василий Анисимов. Оба крупные специалисты по немецкому языку.

Снайпер Смирнов на отдыхе практикуется в своей специальности.

Катюша и её кавалер.

русско-немецкий словарь. Он вам там пригодится. В первую очередь постарайтесь перевести на немецкий язык слова нашего великого русского писателя Алексея Максимовича Горького: «Если враг не сдаётся, — его уничтожают».

А ежели гитлеровцы всё же не поймут этих слов в вашем переводе, то советую прибегнуть к таким наглядным пособиям, как автомат, граната или «Катюша».

Желаю вам и всем вашим товарищам новых блестящих успехов.

Стахановцу Н-ского завода **Василию Степановичу Петрову.**

Вас, дорогой товарищ Петров, всех ваших родных, знакомых, соседей, всех рабочих вашего завода, инженеров, техников, а также всех ваших соотечественников и их детей горячо поздравляю с праздником.

Сейчас вы работаете исключительно на экспорт: снаряды вашего завода летят за границу, в Германию. Наши артиллеристы и лётчики с большой похвалой отзываются о качестве вашей продукции.

Разрешите, Василий Степанович, преподнести вам мой скромный подарок: ручные часы.

Эти часы показывают, что не по дням, а по часам растёт наша промышленность и что с вашей помощью скоро прольёт для немцев последний час.

Председателю колхоза «Победа» **Петру Кирилловичу Егорову.**

Здравствуйтесь, дорогой Пётр Кириллович! Бойцы Н-ской части просили меня передать вам и всем вашим односельчанам привет и поздравление с праздником. Они просили также сказать вам, что в то время, когда вы убили и молотили, они продолжали жать. Сейчас они жмут немца на его территории.

Под счастливой звездой.

Присоединяясь к их поздравлению, посылаю вам на память прилагаемые при сем 6 медных пуговиц — это всё, что осталось от одной немецкой дивизии после того, как её обработала артиллерийская батарея, подаренная фронту вами и вашими колхозниками.

Крокодил

Дорогие товарищи!

Гвардии рядовому **Ивану Андреевичу Иванову.**

Поздравляю вас с великим Октябрьским праздником. И прошу вас, товарищ Иванов, передать от моего имени сердечное поздравление с праздником всем офицерам и бойцам Н-ской части. А уже заодно и всем офицерам и бойцам других частей фронта — пехотинцам, танкистам, лётчикам, артиллеристам, морякам, кавалеристам, сапёрам, связистам, врачам и медицинским сёстрам.

Сейчас, товарищ Иванов, ваша часть находится за границей — вы пришли с «ответным визитом» к немцам.

Поэтому посылаю вам небольшой подарок —

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ КРОКОДИЛА

ОТКРЫВАЯ свою первую пресс-конференцию, Крокодил сказал собравшимся, что за пример он берёт пресс-конференции, которые устраивает в Берлине доктор Шмидт от имени германского министерства иностранных дел.

Доктор Шмидт проливает на этих конференциях эрзацслёзы и сообщает эрзацфакты. Крокодил предлагает свою подлинную информацию.

Кроме того Крокодил имеет полную возможность расширить круг посетителей. Он приветствует господина Херста и господина Эркилета, которые давно страдают от невозможности лично присутствовать в Берлине на приёмах у доктора Шмидта.

Отвечая на вопрос немецкого радиогенерала Дитмара о неприступности «германской крепости», Крокодил сказал, что если в древности стены крепости Иерихон пали единственно от громких криков и от звуков труб, то он не видит оснований, почему бы нельзя было соорудить неприступные стены единственно при помощи фашистских криков. Но только кричать надо ещё громче.

На вопрос Геббельса, нельзя ли немецким «духом сопротивления» заменить горючее в моторах, Крокодил ответил, что можно. Надо лишь подвергнуть тяжёлый фашистский дух такому сжатию, чтобы он перешёл в жидкое состояние. Геббельс сказал: и без того жмём так, что дальше уже некуда.

Рандольфа Херста заинтересовал вопрос: занимается ли комиссия по установлению военных преступников только немецко-фашистскими бан-

дитами или же предполагается привлечь к ответственности и других бандитов, т. е. бандитов пера, работающих под его руководством? Крокодил сказал, что эти самые «другие бандиты» могут пока не беспокоиться. Херст с облегчением поблагодарил за информацию.

На вопрос корреспондента газеты «Малина Аргентина», может ли Аргентина оказать гостеприимство гитлеровцам, бежавшим из Германии, Крокодил разъяснил, что может, но посоветовал правителям Аргентины предварительно подыскать страну, где они сами могли бы в этом случае найти гостеприимство.

Бывшие писатели Кнут Гамсун и Андре Жид спросили: как предполагается после войны использовать старое фашистское литературное баракло, негодное к употреблению? Крокодил ответил, что поскольку ему это известно, вопросам санитарии, канализации и ассенизации городов займётся особая комиссия.

Эркилета заинтересовал вопрос о судьбе тех журналистов, которые остались без хозяина после недавнего разрыва некоторых государств с Германией. Крокодил любезно поделился своими сведениями со старым деятелем печати. В настоящее время изучается опыт очищения Константинополя от бродячих собак, потерявших хозяев. Как известно, собак вывезли на необитаемый остров в Мраморном море.

Господину Буллитту, с которым при этих словах произошёл лёгкий припадок, была оказана медицинская помощь.

Первая пресс-конференция Крокодила прошла в атмосфере взаимного понимания и панического восторга.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

МЮНХЕН. Вчера здесь состоялся торжественный парад по поводу трёхлетия несостоявшегося парада, назначенного фюрером на 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. На параде в полной парадной форме присутствовали вдовы участников несостоявшегося парада.

ЖЕНЕВА. Кёнигсбергский корреспондент газеты «Женевские новости» сообщает, что немцы возмущены негостеприимством русских. «Обычно, — говорят они, — вежливые люди

приглашают соседей на праздник к себе в гости, а русские, наоборот, на свой праздник пришли к нам».

БЕРХТЕСГАДЕН. Здесь получена телеграмма от команданта города Эйткунена, заверяющая фюрера в том, что город Эйткунен ни в коем случае русским сдан не будет.

Телеграмма переслана не по телеграфу, а вручена фюреру лично бежавшим из Эйткунена комендантом.

БЕРЛИН. Генерал Дитмар в своём очередном радиообзоре с удовлетворением сообщил о колоссальных затруднениях, которые уже начали испытывать русские. «Теперь им приходится тратить огромное количество време-

ни, — сказал Дитмар, — на перечисление в своих сводках взятых у нас населённых пунктов. Я с бодрой уверенностью предсказываю, что эти затруднения будут расти с каждым часом».

СТАВКА ГИТЛЕРА. Личные врачи, ежедневно следящие за здоровьем фюрера, отмечают, что за последние дни у него наблюдается резкая потеря аппетита, сна, дара речи и Балкан.

БУДАПЕШТ. В связи с тем, что Гимmlер во время покушения на него в Будапеште ранен, в военных кругах Венгрии царит уныние. Авторитетные лица заявляют: «С такими стрелками мы наверняка проиграли войну».

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Рис. М. Черемных

— Ну и тяжела, чтоб её разорвало на немецкой земле!..

ЕЩЕ на подступах к Румынии младший лейтенант Виктор Пугачёв получил письмо из Бугуруслана. Мать, старая акушерка-массажистка, между прочим, писала ему:

«...Мне передавали, Витя, что ты скоро будешь заграницей, что ваша Н-ская часть вступает в Н-скую страну, которая начинается на букву Р.

Как это должно быть интересно! Сколько любопытных наблюдений и впечатлений! Я в молодости, когда была ещё барышней, мечтала побывать хоть где-нибудь в Европе.

Я очень рада за тебя, мой дорогой. Но прошу тебя, Витенька, береги себя. Там в городах, по всей вероятности, большое уличное движение, так что будь осторожен, особенно при переходе через площади...»

В тихом домике Пугачёвых в Бугуруслане издавна царит что-то похожее на культ заграницы. Во всём, пожалуй, виноват брат матери, дядя Ника, старый холостяк и зубной техник — чудаковатый человек, носивший зимой и летом белый жилет, сверкающую лысину и затейливые галстуки.

Дядя Ника тридцать пять лет тому назад провёл несколько часов на какой-то пограничной станции. Для него это было вполне достаточно. Он зарядился на целый век.

Дело в том, что, сидя в вокзальном буфете и закусывая килькой выпитую рюмку водки, дядя Ника долго смотрел через окно на пленительный Запад и внимательно изучал быт и нравы населения Европы.

Вернулся он в Бугуруслан другим человеком. Казалось, что его подменили там, у приграничной кильки.

И вот уже тридцать пять лет, как бугурусланский зубной техник неумоимо доминировал всех родных и знакомых:

— Так заграницей не едят.

— Этого заграницей не носят.

— Заграницей наборы вышли из моды. Там в ходу мигрени.

Над ним, конечно, посмеивались, но он был так глуп, что не замечал этого.

В письме, полученном Пугачёвым от матери, есть и коротенькая приписка дяди:

«Виктуар! Жаль, что меня там нет возле тебя. Мой опыт пригодился бы тебе. Напиши о своих заграничных впечатлениях. Привези какой-нибудь заграничный сувенир для моей коллекции безделушек...»

Сейчас в Бухаресте младший лейтенант Пугачёв с улыбкой вспоминает и мать с её наивным письмом и бестолкового дядю Нику.

Да, он, Виктор Пугачёв, заграницей. Уголок Европы...

Вчера он ехал пригородным поездом. В вагоне у дверей стояло несколько румынских солдат. Пугачёв предложил им сесть рядом с ним на свободную скамейку. Они виновато улыбулись и продолжали стоять.

Пугачёв повторил свою просьбу. Солдаты как по команде приложили руки к своим задачам и что-то сказали по-румынски.

Пугачёв ничего не понял. Но в вагоне нашёлся один пассажир, немного знающий русский язык; он, галантно улыбаясь, объяснил русскому офицеру:

— Наши доблестные солдаты не могут садиться. Тылы наших доблестных солдат очень болят. Наши доблестные солдаты только что из казармы, где их секли...

Пригласить бы дядю Нику сюда, на такое зрелище! Он бы потом надоед всему Бугуруслану рассказами:

— Сейчас заграницей секут не в полоску, а в клеточку...

Культура! Цивилизация! Форпост! Невежественные румыны ещё месяц назад писали в своих газетках, что им выпала великая миссия — нести европейскую культуру в Россию...

Мама беспокоится насчёт большого уличного движения в румынских городах. Надо будет ей написать:

«Да, дорогая моя, здесь, в Бухаресте, из-за автобусов тесно на улицах. И автобусы все знакомые — наши, одесские.

— Встречались мы ещё под Воронежом, а по-настоящему познакомились здесь, под Будапештом.

Наднях мне пришлось беседовать с одним румыном-профессором. Сей учёный муж, украшенный очками в золотой оправе, сказал мне:

— Нам немцы говорили, что в России каменный век. Что в России живут дикири. Простите, я этому поверил. Но вдруг привозят сюда из Одессы автобусы. И вот тут-то я и усомнился: какой же это каменный век, если автобусы?

Вот видишь, мама, как украденные советские автобусы обогатили знаниями румынского профессора и расширили его кругозор.

Мама, я здесь встретил много знакомых. Об одесских автобусах я уже говорил. А если пойдёшь в местный театр, смотри внимательно, когда поднимается занавес — не на актёров смотри, нет! — а на вертящуюся сцену. Право, каких только диковин не увидишь заграницей! Чудесная вертящаяся сцена! Она землячка автобусам, тоже одесситка...»

А дяде Нике надо будет отдельно написать:

«Милый дядюшка, вы просите, чтоб я вам купил здесь какой-нибудь сувенир. Сейчас это трудно сделать. Но ещё недавно здесь продавали всякую всячину. Здесь были такие торговцы, которые могли продать по сходной цене свою столицу, а надбавите несколько лей — и всю родину оптом. Ещё недавно здесь легче было купить редактора или министра, чем, скажем, бублик или чемодан.

Здесь есть очень деловые люди. Наднях мне пришлось побывать по делу в одном городишке под Бухарестом. Надо было мне повидаться с примаром. Так у них называется городской голова. Местные люди сказали мне, что господин примар — весьма почётная личность в городе, человек всеми уважаемый. И тут же прибавили:

— Его трудно поймать. Он очень занятый человек. Кроме работы в примарии, он ещё является владельцем ресторана и содержателем лучшего в городе публичного дома...

Дядя Ника, я не шушу. Так же не шутили и румыны, которые мне так рекомендовали господина примара. Они говорили серьёзно, по-деловому, как будто речь шла о лучшей в городе библиотеке или лучшем в городе цветочном магазине...

Я знаю, дядя, вас, наверно, интересует вопрос, «что сейчас играют заграницей». В той «загранице», где я сейчас, долго играли по чужим нотам — по немецким.

Задумали они как-то сыграть и настоящую музыку. Для этой цели они в Одессе сёрбли вместе с автобусами и ноты одной классической оперы. Привезли в Бухарест и решили усладить слух румын серьёзной музыкой. Но получилось у них, как в крыловском квартете. Скрипачи из ночных кабаков и виртуозы из подсобного хозяйства вышеупомянутого господина примара никак не смогли овладеть украденным классическим наследством...

Но ничего этого Пугачёв не стал писать в Бугуруслан. «Как-нибудь в другой раз», — решил он. Но всё же ответить надо.

Он сел писать. В письме не было ни слова о Румынии, ни звука о румынах. Страстно и взволнованно Пугачёв писал о своей большой тоске по родной земле, родному небу, родному воздуху...

Так Виктор Пугачёв, выполняя просьбу дяди, сообщил ему свои «заграничные впечатления».

Г. РЫКЛИН

Всегда же бывает...

ПАРАБЕЛЛУМ

ВЕСЬ наш батальон знал историю этого парабеллума. Старшина очень гордился им. Он добыл его в бою, сняв с лично убитого им немецкого офицера.

Но то, что произошло впоследствии благодаря этому же немецкому пистолету, стоит рассказать и более широкой аудитории, нежели наш батальон.

Вечер застал нас в полдень что освобожденной украинской деревне. Мы изрядно утомились и вместе со старшиной зашли в хату, чтобы хорошенько выспаться. Нам отвели пустую комнатку, принесли два одеяла и маленькую коптилку. Зажгли мы её и стали устраиваться на ночёвку.

Раздеваться мы не стали. Только старшина вытащил свой профейный парабеллум и положил его на стол, рядом с коптилкой. Надо сказать, что этот светильник выполнял свои функции довольно слабо. Коптилка едва освещала территорию стола, на котором её установили. Во всяком случае, парабеллум, лежавший с нею рядом, можно было различить.

Улеглись мы со старшиной на топчаны, накрылись своими шинелями и хозяйскими одеялами. Ещё не успели заснуть, вдруг слышим: входят в нашу «спальню» какие-то люди. Когда они подошли к тусклому нашему лампону, мы убедились в том, что нашими визитёрами оказались... немцы. Двое были при автоматах, третий — с ручным пулемётом.

Увидев на столе парабеллум, немцы внимательно прочитали слова, выгравированные на золотой пластинке, привинченной к пистолету. И, решив, что в комнате расположились немецкие офицеры, они, повидимому, даже обрадовались. Уложив своё оружие по соседству с парабеллумом, три немца стали спокойно устраиваться на ночлег.

Мы со старшиной наблюдали за ними и молчали. Гуская, дескать, укладываются. А там видно будет. Может, им что-нибудь интересное приснится.

Дали мы немцам полную возможность сладко уснуть. Храпели они основательно и немало были удивлены, когда мы их внезапно разбудили...

Один из трёх попавшихся нам фрицев поглядел на пистолет и тускло произнёс:

— Кто бы мог подумать, что наш германский парабеллум окажется таким предателем.

МИХАИЛ ЗАМУЛА,
гвардии капитан,
Герой Советского Союза

ПЛАТА ЗА ТРУДЫ

НАС — нескольких раненых под Сталинградом — везли машины в медсанбат. Сопровождал нас капитан медицинской службы Нечаев. Вечером машина застряла в канаве. Нечаев с шофером пытались её вытащить, но куда там. Двоим это оказалось не под силу.

Но вот из темноты появилось шедшее строем отделение. Солдаты были вооружены, командовал ими офицер. Нечаев к ним:

— Помогите, товарищи, машина с ранеными застряла...

Офицер ему отвечает:

— Я есть румынский капрал. Мы идём, ищем плен. Пожалуйста, бери нас в плен. Нечаев говорит:

— Ладно, возьму вас в плен, если машину сможете вытащить.

Румыны обрадовались такой «оплате» их труда, сдали военврачу всё своё оружие и энергично принялись за работу. Вытащив машину, девять солдат с капралом устроились в кузове и вместе с ранеными поехали в медсанбат — в плен сдаваться.

ВАСИЛИЙ РЕЗНИЧЕНКО,
гвардии майор

МОЯ БОРОДА

Я ТЕПЕРЬ бреюсь исправно через день. А ещё не так давно я был при бороде. И вокруг этой бороды всякие приключения были.

Случилось так, что вся работа нашего цеха срывалась из-за одной маленькой детали, которая прозывалась «гребёнкой». Эта «гребёнка» чуть не подвела весь завод. А продукция завода, по секрету скажу, шла на фронт. Следовательно...

Говорит мне наш инженер:

— Как ты у нас с бородой, то обязан справиться с «гребёнкой».

Стали мы вместе с инженером думать и прикидывать. Подготовили всё, что нужно, и я пустил станок на наивысшую скорость...

В первую же смену я сделал 10 норм. Иначе говоря, выполнил программу на тысячу процентов.

А через несколько дней я за две смены завалил этими «гребёнками» весь цех.

Нашлись охотники последовать моему примеру, чтобы тоже стать «тысячниками», и, к слову сказать, неплохие дали результаты. А потом за мой рекорд, за внедрение моего метода в производство мне присудили Сталинскую премию...

Прихожу как-то домой (а жил я в общежитии) и, мягко выражаясь, не нахожу дома. Где моя койка, где тумбочка? Что за наваждение! Спрашиваю у соседей. А те отмалчиваются. Пошёл к коменданту.

— А с вас, Дмитрий Филиппыч, магарыч... С новосельем!

Оказывается, без меня меня женили: переселили в комнату. А в комнате уже и диван стоит, и письменный стол, и всё прочее. Одним словом, обставили комнату честь по чести.

Не скрою, приятно мне было такое внимание. И почувствовал я, что будто помолодел на несколько лет.

И вот тогда-то у меня созрело решение: сбрить бороду.

Время военное: некогда за ней ухаживать.

Но дернуло меня сказать об этом в завкоме. А там — на дыбы:

— Не смеешь ты этого делать. Тебя, можно сказать, вся страна по газетам с бородой знает. Тебе на слётах выступать нужно. Что народ скажет: «Подменили Босого...» Вместо него чужого подставили.

С трудом меня уговорили временно воздержаться от этого мероприятия.

— Вот выступишь на спыханских слётах, тогда и распоряжайся своей бородой, как хочешь...

После слётов я бороду снял. И тут из-за меня корреспондент одной центральной газеты попал в неприятное положение. Поручили ему сфотографировать меня. Тот снял и отправил снимок в Москву. Через несколько дней корреспонденту срочно звонят по телефону и устраивают форменный разнос:

— Кого это вы нам вместо Босого подсунули?..

ДМИТРИЙ БОСЫЙ,
лауреат Сталинской премии.

Я И ШВЕЙК

ЧЕЛОВЕК я довольно мрачный. Хотя всю жизнь работал над комедийным жанром и очень люблю это дело. Но даже, когда я снимался в роли Швейка для фильма «Новые похождения Швейка», и тогда я работал очень грустно.

Швейка бьют, очень много бьют. Его бьют все, кому не лень, — шудманы, офицеры, ефрейторы, солдаты. Короче говоря, за время репетиций, съёмки и пере-

съёмки мною от различных партнёров было получено (по неполным данным): 45 зуботычин, 34 пощёчины, 27 подзатыльников и большое количество мелких оплеух.

Особенно меня донимали пересъёмки. Вдруг, оказывается, что несколько десятков кадров никуда не годится. Виноват не я, а другой актёр. Но всё равно — при пересъёмке те же шутманы, офицеры, ефрейторы и солдаты бьют Швейка, то есть меня. Причём они это делают ещё более старательно, чем при первой съёмке.

Вот и посудите после этого, как мне быть весёлым?..

В моей практике я запомнил только один светлый момент.

Съёмки «Похождения Швейка» происходили в горах Таджикистана. В течение всей трёхнедельной экспедиции мы жили в одной комнате вдвоём с режиссёром Сергеем Юткевичем. Хозяйка нас любезно приютила и даже кормила обедами. У нас была работница, наивная, но добрая девушка, не видевшая ни разу ни кино, ни съёмки и не разбирающаяся в том, для чего мы приехали.

Иногда я, еле живой от усталости, приходил со съёмки, обедал прямо в костюме и гриме Швейка.

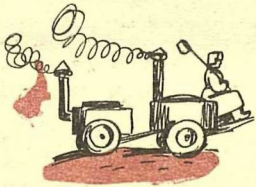
И вот на столе появлялись... три прибора, затем три обеда. Мы с Юткевичем удивлялись, но всё же три обеда съедали. Затем, разгримировавшись и переодевшись в своё будничное платье, я спрашивал Глашу: почему же она стала вместо двух обедов подавать три?

Глаша постепенно отвечала:

— Один обед вам, товарищ. Другой — сухопарому (т. е. Юткевичу), а третий — тому военному с носом...

Оказывается, для храбрости солдата Швейка готовили третий обед.

БОРИС ТЕНИН,
заслуженный артист РСФСР и
народный артист Таджикской ССР

В ТЕМНОМ АМБАРЕ

НАДО вам указать, что старшина Губарёв был такой энтузиаст снабжения, что не было силы, способной его остановить, когда он вёз бойцам обед.

Судите сами: однажды ночью ему преградил дорогу нескончаемая колонна немецкой пехоты на грузовиках. Что делать? Возвратиться? Об этом он даже и не подумал. объехать? Далеко. И тогда под покровом ночи он подъезжает на машине к самому шоссе, включает фары и начинает нахальство гудеть. Отлушённые и ослеплённые, фрицы решили, очевидно, что на задержку гневается минимум ихний генерал. Они расступились и пропустили щи и кашу, которые вёз Губарёв.

Но особенно отличился старшина в районе среднего течения Донца в дни наступления нашей армии. Случилось так, что ночью часть стандартных амбаров какого-то совхоза заняли мы, а вторую часть — немцы. Глухая, тёмная ночь задержала Губарёва в пути. Он опоздал. Когда он приехал, все спали крепким сном. Губарёв решил не будить бойцов, а накормить их утром. Он наощупь определил, где людей побольше, энергично их раздвинул, лёг в самую середину, чтобы было теплей, и уснул.

Спал он час или два. Просыпается и слышит в темноте немецкий разговор. Вот, значит, куда он попал!

Он спокойно встал и вышел. Рядом с его кухней стояла вторая кухня — немецкая. Неторопливо, не вызывая никаких подозрений у часовых, он запряг лошадей в обе кухни и привёз своим бойцам и немецкий завтрак и русский ужин.

Но, прежде чем приступить к раздаче пищи своим бойцам, он решил «подкинуть» чего-нибудь и фрицам. Группа охотников, которую повёл Губарёв, подкинула им в амбар несколько противотанковых гранат. При вручении Губарёву ордена он заявил: — Поскольку я отвечаю за снабжение, я каждому даю то, что ему полагается.

Капитан И. ЯЗЫКОВ

ПУШОК

МОИМ неизменным партнёром на манеже московского цирка является Пушок — собака умная и воспитанная. Пушок сыграл немало различных ролей в цирковых выступлениях, но, пожалуй, коронной его ролью остаётся роль Геббельса. Точная пародия очередной брехни. Геббельса перед микрофоном срывает громовые аплодисменты зрительного зала.

Бедил Пушок со мной и на фронт. Но здесь, должен признаться, мне приходилось не раз краснеть за него.

Независимо от климатических условий и профиля местности Пушок немедленно по прибытии в воинскую часть безошибочно ориентировался в расположении хозяйства и максимум через три минуты отправлялся на обследование состояния офицерской столовой. Наевшись до отвала, он увеличивался вдвое в ширину и, естественно, требовал «мёртвого часа», не будучи в состоянии передвигаться по манежу.

Его обжорство пошло в ущерб производственной работе, и я прибег к радикальным мерам: немедленно по прибытии в часть я заперал Пушка в кузове нашей трёхтонки, а сам отправлялся по делам.

Но Пушок всё же нашёл выход из своего тюремного заключения: из кузова он прыгал на крышу кабины шофера, оттуда на капот радиатора, с капота на подножку машины и далее держал курс прямо в столовую.

Один раз его знание топографии местности оказало нам неоценимую услугу.

Группа артистов возвращалась после концерта с переднего края нашей обороны в расположение одной воинской части. Был вечер, мы шли лесом гуськом. Впереди шёл боец-проводник. В воздухе висели «юнкерсы». Идти нужно было осторожно, по невидимым тропкам, под гул начавшейся артподготовки. Пройдя метров триста, я и ещё несколько человек из нашей бригады обнаружили, что мы отстали от других и заблудились в лесу. Мы уже было отчаялись выбраться до рассвета из леса, как вдруг мне пришла в голову мысль. Я вспомнил о Пушке и сказал:

— Ну, товарищи, пора...

Пушок немедленно подпрыгнул на месте всеми четырьмя лапами и, тыча носом в землю, побежал. Так как я предварительно взял Пушка на поводок, то ударить от нас ему не удавалось. Я едва поспевал за туго натянутым поводком. За мной гуськом помчались мои товарищи. Пробежав метров восемьсот, мы увидели огонёк, едва-едва просвечивающий среди деревьев, — тоненькая щелка в зашторенном окне. Тут Пушок так натянул поводок, что я чуть не упал. Через пять минут мы сидели в офицерской столовой. — Пушок оказался верен себе.

Вы спросите, каким же образом я дал приказ Пушке вести нас в столовую? Очень просто. «Ну, товарищи, пора» — это моя обычная фраза, когда мы все отправлялись обедать. Она хорошо известна Пушке. Ясно, что и на сей раз, услышав её, он немедленно побежал к этой, для него обетованной земле.

КАРАН Д'АШ,
заслуженный артист республики

СТО ФРИЦЕВ ЗА ПЕСНЮ

НАШ джаз-ансамбль выступал на Ленинградском фронте перед бойцами батальона лыжников, которым командует капитан Меренков.

Я исполняла свои песенки. Кто-то из лыжников поднялся и сказал мне:

— Спойте нам три песенки — «Родную сторону», «Маму» и «Записку». За каждую из этих песенок, исполненных вами, мы берём обязательство уничтожить по сто фрицев.

Песенки были исполнены.

Спустя несколько времени мы снова выступали перед лыжниками, и здесь нам торжественно отпартовали о том, что обязательство выполнено: триста обещанных фрицев было уничтожено.

И тогда раздался голос одного из бойцов:

— Если сейчас исполните «Маму», даю за неё не сто, а сто двадцать фрицев.

Клавдия ШУЛЬЖЕНКО,
лауреат Всесоюзного конкурса
эстрады

АРТИСТ

СИДЯТ разведчики в кустах у дороги и видят, как на наш правый фланг походной колонной идёт немецкий полк. Прошёл.

Пивоваров — наш сержант — всё, что будет дальше, знает наизусть:

— Сейчас обоз пойдёт. Вот и возьмём обозника...

Сидят бойцы. Ждут. Обоза нет. И вот оттуда, куда прошёл полк, летит автоматная очередь офицерами. Бойцы изогнули гранаты.

— Отставить! — командовал Пивоваров. — Они едут обоз подтягивать. Подождём, пока возвратятся.

Разведчики подползают к самому шоссе и ложатся в канаву. Слушают. Действительно, машина идёт обратно.

Вдруг Пивоваров спокойно выходит на шоссе, откидывает за спину автомат и начинает медленно крутить цыгарку, даже не глядя на машину. А когда она была совсем рядом, он лениво поднял руку. Немцы даже за пистолеты не взялись, такую растерянность разыграл Пивоваров. Они решили, что этот чудачковатый русский солдат заблудился, ошарашен и остановились, чтоб захватить «языка», который сам лезет в руки. Но «язык» командовал:

— Руки вверх!

Бойцы Пивоварова выскочили из канавы и подняли на немецких офицеров свои автоматы. Расчёт был точный. Немцы не успели схватиться за пистолеты.

Немцев доставили в штаб соединения в их же автомобиле. В сумке майора командира полка был обнаружен личный приказ Гитлера: полку перейти с нашего левого фланга на правый и сбросить нас в Днепр. Мы говорили немецкому майору:

— Как же это так: Гитлер вас перебрасывает слева направо, а вы едете прямо... в наш штаб?

И тут майор с ненавистью посмотрел на Пивоварова и злобно прошипел:

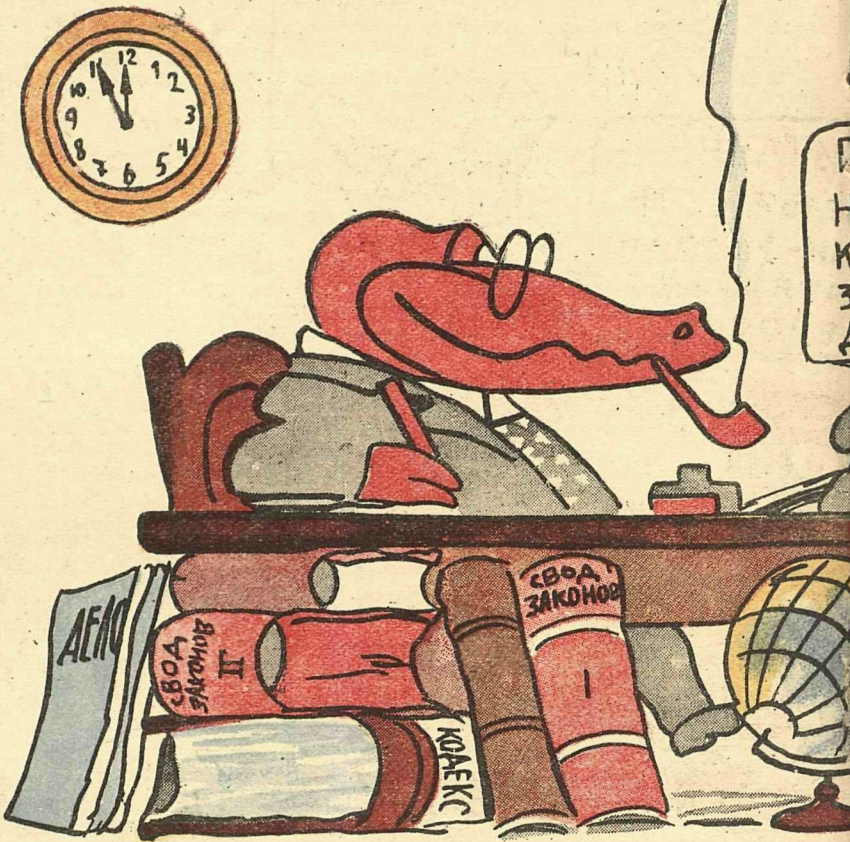
— Это не солдат, это артист.

Майор В. МЯКОТИН,
Герой Советского Союза

ЮРИДИЧЕСКАЯ

Майская

НАШ сосед справа, если стоять лицом к Норвегии, зовётся Ледовитый океан, а слева — тёмносиние горы Заполярья. Точный же мой адрес — вторая сопка от той тропки, по которой мы ходим в ротную кухню.

Сопка эта замечательная. На одном скате — мы, отделение сержанта Капустянка, а на другом — фрицы горнооергерской дивизии.

Мы выдолбили в скалистом скате глубокое гнездо на восемь персон, а вход укрепили валунами, а внутри устроили спальные места чуть похуже, чем в международном вагоне.

Своё гнездо мы назвали «Плацдармом», потому что отсюда наше отделение запланировало своё наступление на Печенгу.

Иногда мы покидали наше гнездо и уходили на отдых в «глубокий тыл» — командный пункт батальона, расположенный в трёхстах двадцати двух метрах от «Плацдарма».

Там, в тылу, мы на ночь снимали сапоги, гимнастёрки. Там, в каменной землянке, был яркий свет — коптилка из снарядного стакана на целых три фитиля.

Обыкновенно, когда некоторые из нас стояли на посту и следили, не лезут ли пруссаки к нашей колючей проволоке, остальные во главе с сержантом Капустянком мечтали и вспоминали.

Вспоминали разное — как поёт петух на родине товарища Капустянка, как пахнет свежее сено в Ивановской области, на родине ефрейтора Голованова, и очень часто, — как звучат женские голоса там, в родных местах...

* * *

В три часа ночи я с двумя бидонами вылез из «Плацдарма» и стал продвигаться вниз к кухням. Ходили мы за супом именно в три часа ночи, когда немецкие снайперы ещё спят, а то нарвёшься на фрицевский автомат, продырявят немецкие пули твои бидоны, суп прольётся, и тебе может попасть от сержанта.

В ту ночь густой мокрице, ни черта не было видно, всего добраться к речушке доны.

Подобрался я уже к ва семдесят четыре и поворачивать как вдруг... Что такое? Не «Как это так? — подумал, не выпит, голова у меня ястазий, а я на заполярныхский смех». Сперва я решил из пластинки «Перикола», что смех настоящий, живое каменного домика.

Стою, недоумеваю и по кошный ус. Надо подчеркнуть с мирного времени очень навливаюсь на этом вопросе потому, что в дальнейшем немалую роль.

Снег хлещет меня, ребята, а я стою у дверей и музыку по соседству с Се

Набрал я в один бидон, поправил на шее автомат к себе на «Плацдарм».

На следующий день в схватил бидоны и — к ва — А разве твоё очере супом? — спросили ребята.

— Нет, не моя. Но мне побывать в батальоне, по

...На этот раз дело номер шестьдесят три во немецкая мина, осколок не царашнул меня самого.

Наконец, я добрался до Тихо. Я стал слушать. Т не могу. Вдруг открывае две девушки со снайперо

КОНСУЛЬТАЦИЯ

ИТЛЕР:
ЕЛЬЗА - ЛИ
АК-НИБУДЬ
АТЯНУТЬ
ДЕЛО?...

МУССОЛИНИ:
- А У МЕНЯ
ВТОРОЙ ПРИВОВА
Я УЖЕ РАЗ
БЕЖАЛ...

ГЕББЕЛЬС:
ЧТО СО
МНОЙ БУДЕТ?
СТОЛЬКО
ЛЕТ ЛОЖ-
НЫХ ПОКА-
ЗАНИЙ!

ФРАНКО:
- Я ЖЕ
НЕВМЕ-
ШАЕМ...

НОЧЬ

Снег закрыл солн-
це; я старался прежде
всего вымыть наши би-
ва. Я говорю:
— Здравствуйте.
А она смеётся и говорит:
— Ой, какие усы! Я точь-вточь такие усы
уже видела раз в жизни, в Москве, на улице
Герцена.
Смотрит, смотрит на меня и вдруг говорит:
— Это, кажется, те же усы. Ей-ей, те же!
Скажите: в тысяча девятьсот сорок первом
году, в ночь накануне первого мая, вы не были
на улице Герцена?..
— Вполне возможно. Я там живу в переулке.
— А не помните, как, будучи под градусами,
вы пели на всю улицу и девушка-милиционер
оштрафовала вас? Сознайтесь, никому не
скажу.
Я моментально всё вспомнил. Передо мной
со снайперской винтовкой в руках стоял быв-
ший милиционер на улице Герцена.
— Виноват, — сказал я, — насколько я пом-
ню, вы меня тогда оштрафовали на десять
рублей.
— Правильно! А вы, когда уплачивали
штраф, сказали мне, что я самая хорошая де-
вушка на свете и что у меня очень красивые
руки и не могу ли я выписать вам ещё один
штраф.
— Это я могу и сейчас повторить.
— Хорошо, — сказала она, — я постараюсь
получить этот штраф на той же улице, в такую
же майскую ночь.
— Есть, — сказал я, — будут у нас ещё май-
ские ночи!

Одна из них, светловолосая, уставилась на
меня. Вернее, не на меня, а на мои роскошные
усы.
Я говорю:
— Здравствуйте.
А она смеётся и говорит:
— Ой, какие усы! Я точь-вточь такие усы
уже видела раз в жизни, в Москве, на улице
Герцена.
Смотрит, смотрит на меня и вдруг говорит:
— Это, кажется, те же усы. Ей-ей, те же!
Скажите: в тысяча девятьсот сорок первом
году, в ночь накануне первого мая, вы не были
на улице Герцена?..
— Вполне возможно. Я там живу в переулке.
— А не помните, как, будучи под градусами,
вы пели на всю улицу и девушка-милиционер
оштрафовала вас? Сознайтесь, никому не
скажу.
Я моментально всё вспомнил. Передо мной
со снайперской винтовкой в руках стоял быв-
ший милиционер на улице Герцена.
— Виноват, — сказал я, — насколько я пом-
ню, вы меня тогда оштрафовали на десять
рублей.
— Правильно! А вы, когда уплачивали
штраф, сказали мне, что я самая хорошая де-
вушка на свете и что у меня очень красивые
руки и не могу ли я выписать вам ещё один
штраф.
— Это я могу и сейчас повторить.
— Хорошо, — сказала она, — я постараюсь
получить этот штраф на той же улице, в такую
же майскую ночь.
— Есть, — сказал я, — будут у нас ещё май-
ские ночи!

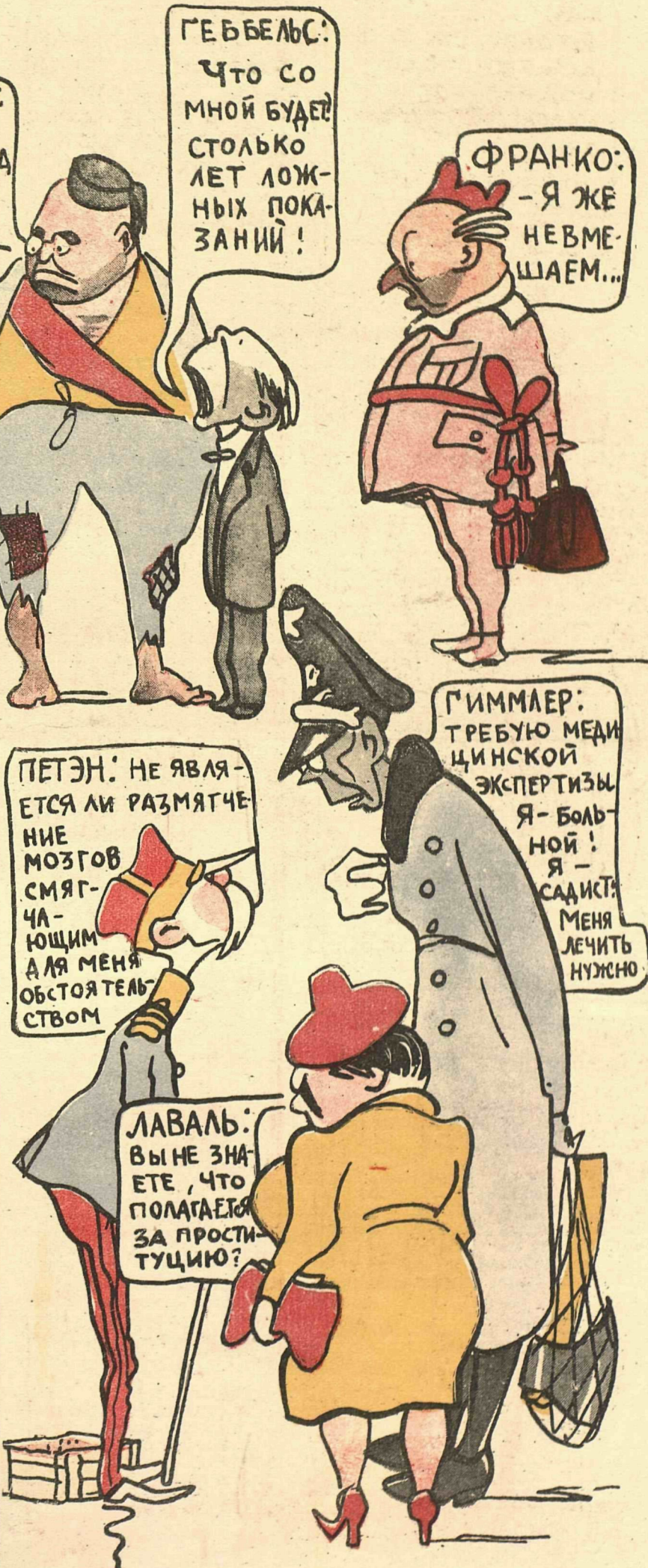
Майор М. ЭДЕЛЬ

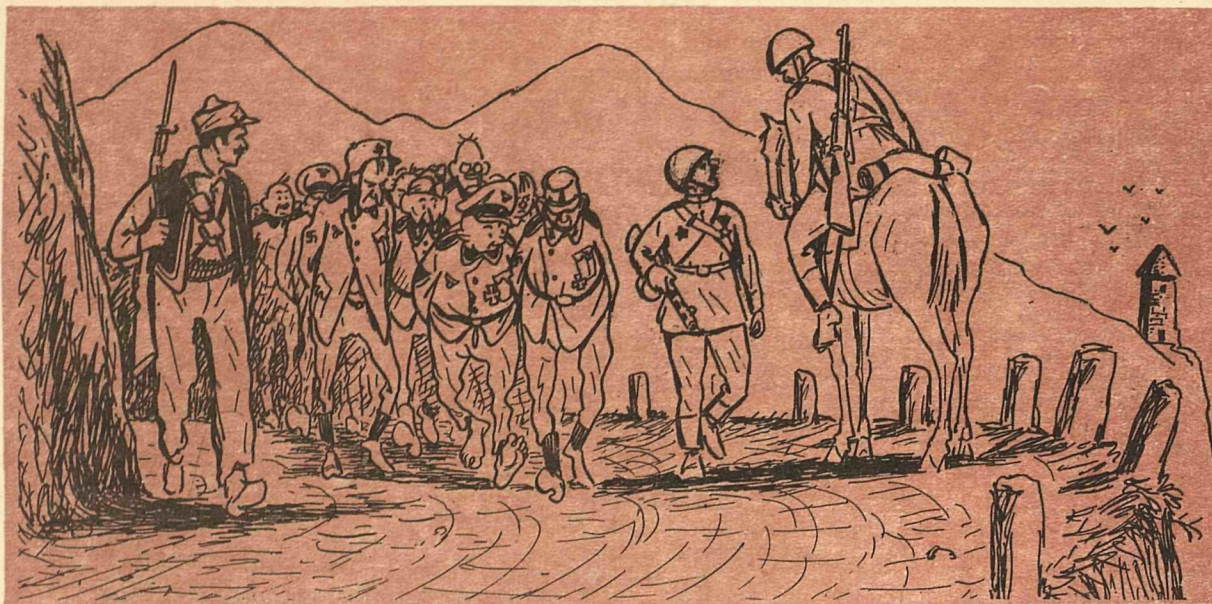
Действующая армия.

ПЕТЭН: НЕ ЯВЛЯ-
ЕТСЯ ЛИ РАЗМЯТЧЕ-
НИЕ
МОЗГОВ
СМЯГ-
ЧА-
ЮЩИМ
АДЯ МЕНЯ
ОБСТОЯТЕЛЬ-
СТВОМ

ГИММЛЕР:
ТРЕБУЮ МЕДИ-
ЦИНСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ
Я - БОЛЬ-
НОЙ!
Я - САДИСТ!
МЕНЯ
ЛЕЧИТЬ
НУЖНО

ЛАВАЛЬ:
ВЫ НЕ ЗНА-
ЕТЕ, ЧТО
ПОЛАГАЕТСЯ
ЗА ПРОСТИ-
ТУЦИЮ?

— Откуда вы их выудили?
— Из общего котла.

Свидание

ХОРОШО той матери, у которой детей много. А у меня один сын — Сергей, Серёженька... И поехать мне к нему никак нельзя: с начала войны на фронте. Лётчиком, капитаном! Недавно ему дважды Героя присудили.

Так что живу я у себя в деревне одна-одишенька, с собакой, звать Жукком... Весь чёрный, лохматый, только на хвосте белая кисточка... Порода у него, конечно, обыкновенная — подзаборный дворянин, но ума, пожалуй, побольше, чем у другого человека!.. Ей богу! Всё понимает, что ни скажи!.. И даже разговаривать может!.. Только он хвостом разговаривает!.. Возьмёт меня скука вечером, в неистовое время, вот я начну Жуку про Серёженьку рассказывать, что в голову придёт. А он сидит, смотрит мне прямо в глаза и хвостом о пол стучит. Дескать: да, понимаю, а как же!..

Но с тех пор как Серёженьке дважды Героя присудили, мне просто житья не стало. С утра гости!.. И всё начальство!..

То председатель сельсовета Степан Иванович придёт, то председатель колхоза Пётр Лукич заглянет. Этот каждый день ходит.

Придёт и начинает ко мне приставать:

— Что тебе, Демьяновна, нужно?.. Какое тебе внимание оказать?..

— Ничего мне не нужно.

— Может, избу тебе починить?..

— Не надо, у меня изба новая.

— Экая ты, право!.. Может, выдать тебе чего?..

— Ничего мне не надо.

— Мы же от чистого сердца... Поскольку ты дважды геройская мать!..

Сидит, вздыхает:

— Подводишь ты нас, Демьяновна!.. Нехорошо!.. Нас спросить могут, что мы для тебя сделали... А что мы скажем? Глазами моргать да ушами хлопать перед районом тоже несладко. Может, наказать кого надо, кто тебя обижает?.. Скажи, Демьяновна, кто тебя обижает, будь человеком!.. Мы его с удовольствием накажем!..

— Никто меня не обижает.

Однажды — под вечер это было — копаюсь я у себя на огорошке.

Вдруг вижу: идёт Пётр Лукич, председатель колхоза. В руках газета.

Изадали ещё кричит мне:

— Демьяновна! Новость! Сынок твой в Москве!

Дал мне газету, а как глянула, — а он, вот он, Серёженька! Смотрит на меня из газеты и улыбается... Хочу прочитать, что про него написано, — не могу: строчки плывут, плывут!..

«Читай, — говорю, — ты, Пётр Лукич, у меня с глазами что-то сегодня!..»

Прочитал он мне газету вслух. Там всё было написано про Серёженьку: как он воевал геройски, сколько немецких самолётов посшибал.

И вот взяла меня обида на Серёженьку. «Как же так? — думаю. — Почему он мне не дал знать, что находится в Москве?! Самому-то ему, может, и нельзя ко мне приехать — дела не пустят. Но я бы к нему в Москву пешком прибежала — только дай знать, пригласи!» Ведь четыре года не видалась!..

И вдруг слышу: над головой мотор стучит!.. Летит большая машина и начинает над самой нашей деревней кружить. У меня сердце колыхнулось: Серёжа прилетел!..

Вижу: самолёт снижается и садится на лужок у озера.

Народ туда побежал. И я хочу бежать, а ноги не идут!

Потом смотрю: мчит ко мне во всю прыть Васятка соседский.

— Бабушка Аграфена! — кричит. — К тебе из Москвы двуглаз прилетел, лётчик письмо от сына привёз!..

Приходит тот лётчик. Молоденький, но видный такой.

— Здравствуйте, — говорит, — Аграфена Демьяновна. Вот вам письмо от гвардии капитана.

А в письме Серёженька мне писал, что пробудет в Москве всего лишь два денёчка, что дел у него — по самую макушку и что просит он меня прилететь к нему на свидание.

Лётчик молоденький смеётся:

— Не побойтесь со мной лететь, Аграфена Демьяновна?

А мне страшно, конечно, потому что я никогда в жизни не летала, но я виду не показываю:

— Раз у меня, говорю, сын уродился такой орёл, то мне неудобно в курицах числиться.

...Всю ночь не спала, собиралась. В шесть утра, как назначено, явилась на лужок к машине. Весь колхоз меня вышел провожать. И каждый мне в руки подарок сует: кто — мёду горшочек, кто — яич пятак.

Васятка соседский — и тот пару яблок принёс.

Я говорю:

— У меня же в саду, наверное, и сорвал эти яблоки, пострелёнок?!

— Нет, говорит, бабушка Аграфена, это я в другом саду добыл.

Долетели без всяких происшествий. Ничего даже такого и не почувствовала. Как села в мягкое кресло, так и просидела два часа.

Вышла из машины, а Серёженька навстречу... У меня ноги сразу подкосились, в глазах потемнело. А он обнял меня и по голове гладит.

— Мама, дорогая... Вот и свиделись!..

Два дня я с ним в Москве в самой лучшей гостинице, как в тумане, прожила! Днём Москву смотрела, а ночью он мне про войну рассказывал... И сол час не брал!..

Мне Москва понравилась, только очень уж народу много. А люди в Москве хорошие. И тоже вроде нашего Петра Лукича: всё норавли мне внимание оказать.

К Серёженьке из наркомата одного приходил человек, звать Лев Львович.

Придёт — и сейчас ко мне:

— Что вам, Аграфена Демьяновна, нужно?

— Ничего, говорю, не нужно. Мне сын всего накупил.

— Может быть, всё-таки что-нибудь нужно?

— Вот разве... ошейник для собаки.

— Сейчас будет!

И сам — к телефону:

— Так, мол, и так, необходим ошейник для собаки матери дважды Героя!..

А ему, видать, отвечают, что ошейников нету. Он снова звонит, в другом месте требует ошейник. И, видать, опять ему отвечают, что ошейников нету. Не делают их нынче, что ли. Я уж не рада, что попросила. А он мне:

— Сейчас, сейчас!..

И опять так звонит в телефон, что аж искры летят!..

Домой я поездом уезжала. Серёженька меня провожал. Стоим мы с ним на платформе, и не могу я на него налюбоваться. Высокий, красивый, грудь в орденах!.. Как с картинки!..

Первый звонок ударил. Стали мы прощаться. Я, конечно, в слёзы!.. И тут вдруг вижу: бежит этот человек, Лев Львович. Ошейником собачьим размахивает.

— Ух, — говорит, — едва добежал! Получите, Аграфена Демьяновна. Ошейник поношенный, но вполне хороший. С самой собаки заместителя наркома снял. Собака здоровая, не беспокойтесь!..

И смех и грех!.. Всё-таки взяла — Жуку подарочек московский!..

Поезд тронулся. Я стою на площадке, а Серёженька рядом с поездом шагает и мне рукой машет.

А люди в вагонах говорят:

— Смотрите: дважды Герой! Дважды Герой!

А я про себя думаю:

«Вам он дважды Герой, а мне ещё и единжды сынок!..»

Леонид ЛЕНЧ.

ПРИРОДА явно не пожелала обидеть гвардии младшего лейтенанта Короткова и, недолго думая, наградила его богатырским ростом. Короткова это «высокое положение» вполне устраивало.

Но однажды младший лейтенант вошёл в конфликт со своими ста девяносто восемью сантиметрами.

Было это в латвийском городке Зилупе, только что освобождённом от немцев. Наша часть остановилась здесь на отдых.

Коротков, опытный разведчик, довольно быстро разобрался в обстановке. Не прошло и получаса, как он предложил мне расположиться в небольшом домике на окраине. Домик был совершенно пуст. Брошенные в беспорядке вещи красноречиво говорили о том, что немцы вовсе не по своей охоте покинули это место.

К моему удовольствию, мы обнаружили две кровати, и приятная перспектива сна настроила меня благодушно.

Однако Коротков не разделял моего настроения. Стоило кинуть беглый взгляд на кровати, чтобы догадаться, что размеры их вовсе не устраивали «малютку». Он довольно уныло смотрел на своё короткое ложе и, по видимому, решал сложную задачу, как в нём уместить всего себя.

— Одно из двух,—ворчал он,—или придётся ноги положить под голову или голову—под ноги.

Закончив эти философские размышления, он глубоко вздохнул и с видом обречённого стал укладываться.

Тем временем я с удовольствием растянулся на своей кровати, благословляя судьбу за свой умеренный рост. Как в конце концов мой сосед устроился, я не знаю. Густой покров ночи скрыл от меня эту жуткую картину. Только по жалобному скрипу пружин можно было догадаться, что бедняге приходится туго.

Я уже начал дремать, как вдруг протяжный стон заставил меня встрепенуться.

— Коротков, дружок, что с вами? Почему вы стонете? — спросил я.

— Это не я, товарищ майор. Я сплю и молчу,—раздалось в темноте.— Это моя кровать стонет.

— Нет, это не кровать. Это человек,—настаивал я.

— Ну, что вы, Иван Николаевич! Откуда здесь быть человеческому стону? Может, привидение?—сказал Коротков, пытаясь, видимо, повернуться на бок, о чём свидетельствовал скрип кровати.

И, странное дело, как только скрипнула кровать, тут же раздался громкий жалобный стон. Мы вскочили на ноги и зажгли карманные фонари. Но в комнате никого постороннего не было.

— Непонятное дело. Не иначе—привидение. Но я же в эти штуки не верю,—сказал младший лейтенант и сел на свою кровать.

И только он сел—опять стон.

Взбешенный лейтенант вскочил на ноги и зычно крикнул:

— Не будь я командир разведки, если я сейчас не познакомлюсь лично с привидением!

Быстрый луч фонаря зашарил по стенам, потолку, по углам. Никаких намёков на привидение. Вдруг свет выхватил угол коротковской кровати, под которой что-то шевелилось.

Коротков вежливо, как и подобает при первом знакомстве с привидением, сказал:

— А ну, пожалуйста сюда. Дайте посмотреть на вас!.

«Привидение» не заставило вторично повторить просьбу и выскочило из-под кровати с криком: «Гитлер капут!»

«Оно» оказалось обыкновенным фрицем, который не успел удрать и решил скрыться от неприятностей в столь ненадёжном убежище.

ИВАН БЕЛАН,
гвардии майор

Действующая армия

В далёкой знойной Аргентине,
Где небо южное так синее,
Хотели б очутиться ныне
И там зажечь легко
Все, кто зажгли войны пожары,
Все, кто страшатся грозной кары,
Чтоб слушать нежный стон гитары
И танцевать танго.

Дрожа в разбомбленном Берлине,
Они стремятся к Аргентине.
Там Гитлер, Гиммлер, Муссолини
Хотят найти уют...
Но мы предупреждаем честно:
Найдут ли, нет ли,—неизвестно,
Зато известно повсеместно,
Что их и там найдут!

Ник. АДУЕВ

Зенитка

СИДИТ дед Свирид на завалинке. Сидит и вербу стругает.

— Как дела, дедушка? Здравствуйтесь!
— Здравствуйтесь! Дела? Дела—ничего. Дела, как выражались эти песоголовцы, гут!

— И по-немецкому, дедушка, научились?
— А как же! В соприкосновении с врагом был—вот и научился.

— И долго, дедусь, соприкасались?
— Да не так, чтоб уж очень и долго, а впрочем, трое и от моей руки в соприкосновении с землёй пошли. Зарыли их вон там, на выгоне... Рассказать, говорите? Ну, слушайте.

...Приближались немцы. Обезлюдело наше село. Старые бабы только и остались. Очутился я по ту сторону реки, в лесу, в партизанах... Обед хлопцам варю, коней пасу... Да приспичило мне поглядеть, кто ж в моей хате за хозяина нынче правит. Давеча я один жил, как палец. Однажды подошёл я к речке—уже добре смеркалось,—вытащил из камышей лодку, поплыл и высадился десантом на своём же берегу. Высадился десантом, а потом перебежками между подсолнухами да за хлебом в лопухах и замаскировался. Замаскировался и сижу. А в хате, гляжу, свет горит, шум, гам, песни заводят.

Сижу и ожидаю: нехай, думаю себе, позасыпают; тогда уже я приму решение. Немало довелось ждать. Когда слышу: двери—рип-рип; выходят на крыльцо трое: двое,—значит, немцы, а третий—Панько Нужинок, старостой они его приделили. Отец его давчонку держал, а он, сопливец, заплакал—в колхоз его приняли... А теперь, вишь,—староста! Вышли—и прямёхонько в хлев. А в хлеву у меня на горшке сенцо было припасено... Так вот, Панько их туда ночевать и ведёт, а то, видишь, в хате душно... Полезли они на горшечку и разлеглись. Слышу: храпят! Я из лопухов потихоньку, на цыпочках—и в хлев! В руках у меня—вилы-тройчатка, железные. Как размахнусь! Да сквозь плетёный потолок—раз, два, три!

Как завизжат они там да как закричат:

— Вас ист дас?

А Нужинок:

— Ой, спасите!—кричит.—Из самой земли из зенитки лупят!

Ага, думаю, сукины вы сыны! Уже мои вилы зениткой вам сдаются! Постойте, ещё не то будет! И снова перебежками, на бережок, в лодку и—на ту сторону.

Через три дня поспыдали они все трое—потом из села приходили, сказывали, что я им вилами животы пораспарывал. Вот каково моё с врагом соприкосновение было.

— Сколько ж вам, диду, лет?

— А кто ж его знает? Чи семьдесят девять, чи восемьдесят девять. Разве сочтёшь? Знаю, что девять, а каких девять, точно не скажу.

— Боевой вы, диду. Раньше приходилось воевать?

— Мало. Вот только с бабой! Лукерья моей не знали? Покойница моя—царство ей небесное,—да она б сама на дивизию с кочергой пошла. На что уж мы с кумом—и ему царство небесное,—бывало, вдвоём... Эх!.. Куда там!..

Сижу, бывало, под наветом, колышки к граблям тешу, а она как

выйдет на крыльцо да как стрельнёт:

— Свирид!

Верите, топор у меня из рук только скок-скок, как по нынешней технике—так чисто тебе «Катюша»! Я с ней, с бабой своей, так напрактиковался, что мне никакая война не страшна. Наступать на Лукерью, я, каюсь, не наступал,—больше всё отбивал атаки, а воевать приходилось.

Однажды, в воскресенье, мы с кумом—ещё и к достойной не звонили—не выдержали: глотнули. И здорово-таки глотнули. Глянь, на беду—Лукерья!

— Держись, говорю, кум, битва будет!—В одиночку будем биты. Давай-ка гуртом, в войсковое соединение.—иначе нам разгром! Перемелет живую силу и технику!

Только это она на крыльцо, а я сразу, вроде как на «ура». А кум с правого фланга заходит. Но тут у нас ошибка организационная вышла: рогахи не попрытали. Эх, как она за рогахи—и в контратаку; прорвала фронт! Мы с кумом сразу на заранее подготовленные позиции—в погреб.

Уж и пироги остыли, а она нас в погребе в окружении держит. Сижу я за бочкой с квасом, подрёмываю.

Кум и говорит:

— Как знаешь, Свирид, а я к своим, говорит, пробиваться стану. У моей Христи сегодня тоже пироги.

— Смотри,—говорю,—кум, тебе виднее. А лучше не рисковать, пока не стемнеет.

— Что ты, Свирид,—пока не стемнеет? Да какие ж с темнотой пироги?

Перекрестился кум и рванулся в Н-ском направлении. И таки пробился в расположе-

ние своей Христи. Что правда—рогачом его-таки здорово контузило, но с ног не сбило! А я до вечера в окружении за бочкой просидел. Только к вечеру смилостивилась моя Лукерья: подходит, открывает погреб.

— Сидишь?—спрашивает.

— Сижу.

— Иди, галушек поешь, а то, гляди, отощашь.

— Кинь, говорю, рогач,—тогда выйду.

Боевая была покойница. Было с ней и стратегии и тактики. Где мы с кумом только не маскировались: и в картошке и в коноплях... Враз, бывало, обнаружит! Обнаружит и вытеснит. Да теснит, бывало, до самого водного рубежа, до речки! А плавать мы с кумом не умели. Стоим в водном рубеже на дистанции, чтобы рогачом не достала. Стоим и мокнем.

А она:

— Мокнете? Мокните, иродовы души! Я с вас конопля натреплю!

Да... После такой практики мне с этими вшивыми фрицами и делать-то, по сути, нечего. Жаль—кума нет. Мы б с ним в соединении не такие показатели б дали!

Кум и лётчик крепкий был. Асс! Как-то раз трусим мы с кумом яблочки. Взобрались на дерево и трусим. А яблонька высокая была, развесистая. Немцы клятые срубили! Лукерья в подол яблочки собирала. Трясли-трясли,—эх, думаем,—закурить бы! Трубки в зубы, кум огонь высекает. Когда снизу как бабахнет:

— Снова за трубки?

Так мы с кумом с яблони камнем в пике! Кум-таки хоть и с капотом, а приземлился, а я из пике—в штопор, из штопора не вышел, протаранил Лукерью подол и врезался в землю. Через полчаса только очухался, глаза приоткрыл, гляжу: слева стоит кум, аварию поглаживает, а справа Лукерья с ведром воды. Попробовал шевельнуться, рули поворота ни в руках, ни в ногах не действуют.

— Живой, слава богу!—кум говорит.

А Лукерья:

— Не был бы он,—говорит,—живой, если б не моя кубова спидница! Пушай скажет спасибо спиднице, что задержала—вгру? бы в землю. Эх, лётчики, говорит,—молодчики!

А вы спрашиваете, как я не испугался трёх жалких немцев? После такой практики! Такое выдумаете!

— А чем теперь занимаетесь, дидусь?

— Как пришли наши, я демобилизовался. Больно скоро немцы удирают, не догону. Пушай уж молодые гонят. А я вот детишкам в детский сад дудки делаю. Ну и стадо колхозное выглядаю. Выпасти нужно, отстроиться после немецкой погани. Эх, кума бы мне! Мы б с ним вдвоём... Может, хотите на «зенитку» мою поглядеть?

И дед Свирид нежно погладил свои вилы-тройчата.

ОСТАП ВИШНЯ

Перевела с украинского Татьяна СТАХ

НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Рис. Б. Клинча

— Ай да фрицы!.. Какая встреча—море голов и лес рук!

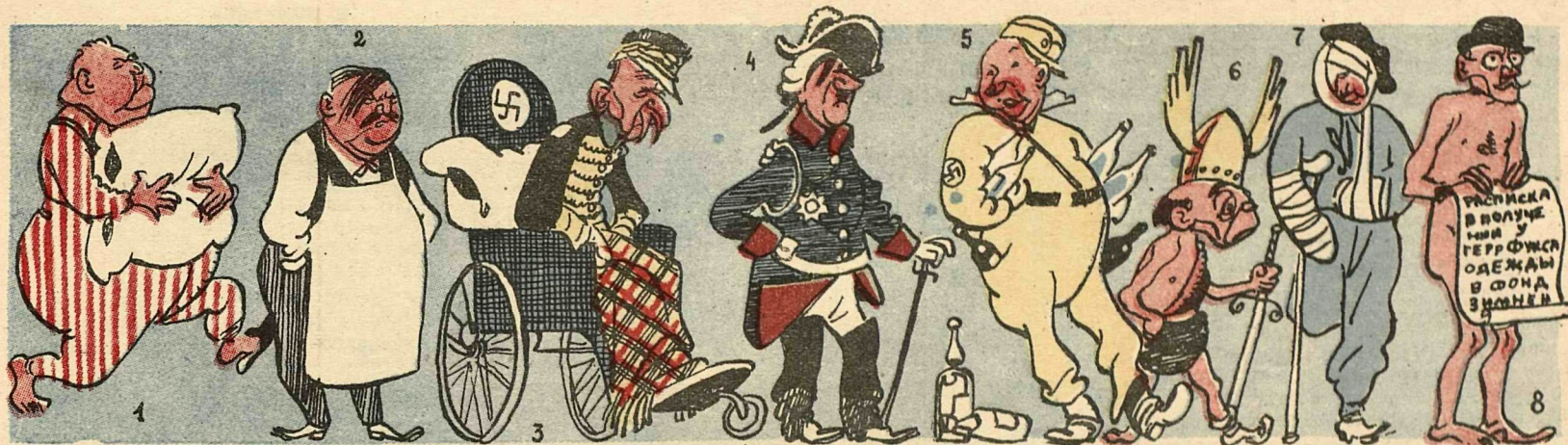
ИСТОРИЯ КОСТЮМА

(ФАШИСТСКИЕ МОДЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ)

Рис. Ю. Гаффа

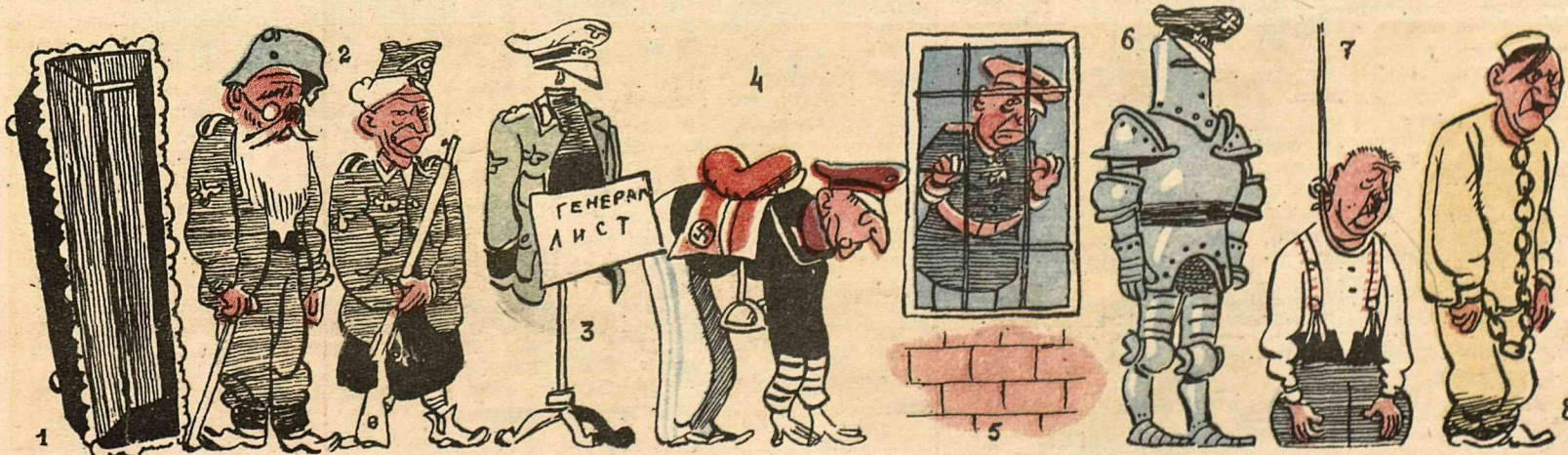
1. Костюм главнокомандующего (первый день войны). 2. Мундир «блиц-фриц» (образец 1941 года). 3. Шикарная «посылочная» модель. 4. Дамская модель «эластичная оборона». 5. Форма «зимний фриц» (несколько не в форме). 6. Курортный купальный (крымский сезон). 7. Изящная модель «квислинг».

1. Фасон «король воздуха» по эскизу Гитлера (чрезвычайно удобен для воздушных тревог). 2. Прозодежда для торговли родиной (по заказу Лавалля). 3. Туалет пенсионера германской богадельни (приобретён Петэном). 4. Костюм главнокомандующего (второй год войны). 5. Выходной костюм доктора Лей. 6. Древнегерманская одежда (как на Геббельса сшита). 7. Визитный костюм «Голубая дивизия» (после визита в СССР). 8. Демисезонный костюм «эмиграция помощь».

1. Дорожный драповый костюм (для путешествия из Восточной Пруссии). 2. Испанский плащ фасона «нейтралитет» (на подозрительной подкладке). 3. Маскарадный костюм (из ателье «Франко и Ко»). 4. Вариант купального (для Рижского взморья).

1. Парадный сюртук гауляйтера Белоруссии. 2. Модель для молодёжи периода сверхтотальной мобилизации. 3. Белградский мундир генерала Листа (штаны вместе с генералом отбыли из Белграда). 4. Венгерский кавалерийский для немецкой верховой езды. 5. Эффективный наряд в клетку (очень идёт Актонеску). 6. Фюрерский антизаговорный (специально для приёма приближённых и доверенных лиц). 7. Галстук. Пеньковский. Последний крик. 8. Костюм главнокомандующего в ближайшем будущем.

МАСТЕР

Листочек сложен уголком,
А крупный почерк незнаком.
(Признаться, между строчек,
Артиллерийский почерк.)

Читает мастер до конца,
И вновь читает мастер.
Письмо и вправду от бойца
Артиллерийской части.

Он сообщает от души,
Что, мол, изделия хороши
(Признаться, между строчек,
Боец тот — самоходчик.)

«Пишу вам будто бы отцу
И прилагаю к письмечу,
Коль вам взглянуть охота,
Фронтное фото».

Боец на мастера глядит,
Глядит с усмешкой вроде.
Значок гвардейский на груди...
Да пусть бы даже орден —

Не в этом дело. Видно, он
Весёлый парень да умён,
Сражается отважно,
Вот что, конечно, важно!

Он так и говорит в письме:
«У нас народ хороший...
Но вот с девчонками несмел:
Пускай нам пишут больше!

Мол, будьте мне родным отцом,
И если есть мила лицом
Да носит косы, катати,
Моё письмо отдайте».

Но ежели глупа весьма
И трудится лениво,
Не отдавайте ей письма,
Всего, отец. Счастливо!

Машины сумрак заволок,
Темнеет рано. Осень.
А мастер, рус и волоок,
Рукой поправил косы.

Идёт по цеху неспеша,
Рабочим помогает.
Коса у Маши — хороша!
Улыбка — дорогая!

Работа мастеру легка
Затем, что к фронту от станка
(Признаться, между строчек),
Путь кажется короче.

Е. ШЕВЕЛОВА

Серые глаза

ЕСЛИ вас не затруднит, будьте добры, опустите это письмо в Москве. Прямо в ящик опустите. Ну, если, конечно, у вас время свободное найдётся, вы уж тогда лично передайте. Это очень приятно бывает, когда с фронта живой привет привозят. Это точно. У меня такой, знаете ли, интересный случай на почве живого приветов произошёл. Это как раз весной было. Вызывает меня командир полка и даёт приказание вылететь в Москву в командировку. Ну, я, конечно, собираюсь.

Смотрю, подходит ко мне капитан Соколов. «Ты, говорит, что, Клименко, в Москву летишь?» «Точно, говорю, в Москву!»

«Знаешь, говорит, Клименко, у меня, говорит, к тебе просьба». «Я говорю, что, посылка, что ли?» «Нет, говорит, не посылка. Я тебя о другом просить хочу».

Смотрю на капитана Соколова, глаза у него задумчивые. Парень он интересный, даже, я бы сказал, красивый. Смотрю я на него, а он вдруг улыбается и меня за плечи берёт. «Вот, говорит, Клименко, сейчас весна. Пора любви и вдохновения». Я говорю: «Понятно». «Нет, говорит, тебе ничего непонятно. Ты человек холостой... Вот что. Когда будешь в Москве, зайди к жене моей, поздоровайся, привет передай и в глаза ей посмотри». А я, говорю: «Зачем мне ей в глаза смотреть?» А он: «Ты посмотри, а потом мне расскажешь, какие у неё глаза были». Я в книжку записываю: «Зайти к жене капитана Соколова. Передать привет и в глаза посмотреть...»

В кабину влезая и вдруг вспоминаю, что адреса-то я не спросил у капитана Соколова. А тут уж мотор премит, не слышать ничего. Я кричу: «Адрес, капитан?» А он мне в ответ кричит: «Полянка!». А я кричу: «Номер какой?» А он мне пальцами цифры показывает: «Тридцать четыре». Я кричу: «Ясно, Полянка, 34. Будет сделано. Всё!»

Да. Прилетел я в Москву. Явился куда надо по делу. Потом письма разнёс, что ребята дали. Ношу, знаете, и в книжечке у себя пятёрками отмечаю — дескать, задание выполнено. Вижу, всё вроде в порядке, только одно поручение осталось: «Зайти к жене капитана Соколова. Передать привет и в глаза посмотреть».

Стал я эту Полянку искать. Я ведь Москву слабо знаю. В общем нашёл. Прихожу, вижу дом опломбированный, а номер квартиры у ме-

ня не записан. Захожу в домоуправление и там узнаю, в какой квартире Соколова живёт. В шестой.

Да. Поднимаюсь на второй этаж. Квартира шестая. Звоню. Открывается дверь. Смотрю, стоит на пороге товарищ. Техник-лейтенант. Ростом примерно с вас будет. Папироску курит. Я говорю: «Разрешите войти». «Да, говорит, пожалуйста, заходите». Прохожу это я, а сам думаю: «Не нравится мне этот товарищ в квартире супруги капитана Соколова».

Да. Проходим мы в комнату. Я спрашиваю: «Можно видеть Соколову?» Посидите, говорит, она скоро придёт. Закуривайте, — портсигар протягивает. Я говорю: «Спасибо, я не курю», — а сам я, между прочим, курю с тридцать восьмого года.

Да. Сидим, молчим. Этот тип на меня смотрит и спрашивает таким лёгким голосом: «Вы что же, с фронта?» «Да, говорю, с фронта», — а сам по сторонам гляжу. Потому что мне абсолютно неинтересно на него глядеть. «С какого же вы фронта?» «С того самого. С Южного». «Это что же, он теперь значит на юге?»

«Да, на юге». «Далеко?» «Да, не близко», — а сам папиросу достаю и закуриваю.

Тут он вдруг ухмыляется так, я бы даже сказал нахально, и говорит: «А вы сказали, что не курите». А я говорю: «Ничего. Курю».

Да. Сидим так, молчим. Вдруг он опять вопрос задаёт: «Как там, ничего дела?» «Там-то дела хорошие, а какие дела здесь?»

«И здесь дела ничего...» И опять улыбку на лице делает.

Тут уж я думаю: «Ладно». Всё. Смотрю я на него и вдруг прямо так в упор вопрос ему ставлю: «Вы знаете, что капитан Соколов на фронте?» «Знаю». «А вы случайно стихотворение такое не знаете «Жди меня?» «Да, кажется, помню». «Ах, вы помните? Это прекрасно, что вы именно это стихотворение помните. А вы знаете, что капитан Соколов три ордена носит?» «Да, говорит, знаю. Мне Вера его письмо читала».

Я говорю: «Товарищ техник-лейтенант, вы знаете, что такое офицерская честь?» «Знаю. А почему вы меня об этом спрашиваете?»

«А так, к слову пришлось». И сам в глаза ему смотрю. А он глаза отводит в сторону и вдруг говорит: «Мне уже уходить пора».

А я: «Ничего, подождите, дожждёмся вместе. У меня поручение к гражданке Соколовой имеется насчёт глаз. Что глаза покажут, что глаза расскажут. Вам ясно, спрашиваю?» А сам пальцами по столу спущу. Да. «Нет, не ясно... Вы успокойтесь. Отдыхайте». Я ему говорю: «Вы мне прямо скажите, женаты?» «Да. А что?» «Ничего...» Я на него зверем смотрю. А он на мои нашивки ранений уставился. Спрашиваю: «Что смотрите, а?» Не успел он мне ответить, слышу звонок. Он сразу встал, и вид у него тревожный. А я говорю: «Садитесь, я сам открою!»

Да. Иду. Открываю дверь. В прихожей темно. Вдруг чувствую, целует меня женщина: «Коленька, милый, ты меня ругаешь, наверное, что я задержалась?»

Тут я выхожу на свет. Смотрю: женщина молодая. Такая красивая, каких я сроду не видел и выражение лица у неё испуганное до последней степени. «Ой, говорит, что это, кто это?»

Я в комнату молча прохожу, а женщина следом идёт. Тут я на техника-лейтенанта оглядываюсь. Смотрю: он ей знаки делает, на голову себе показывает, потом на меня. Я говорю: «Что за жесты, товарищ техник-лейтенант?» И к женщине обращаюсь: «Вас, кажется, Верой зовут?» «Да, Верой... А вы кто такой?» «Я боевой товарищ капитана Соколова». «Ох, значит, вы с фронта!» «Да, мы в одной части». «Ох, как хорошо! Садитесь, чего же вы стоите! Садитесь». «Ничего, я постою. Вы никогда в суде не бывали?» «Нет, говорит. А что?» А я слегка усмеюсь и говорю: «Прокурор стая обвинение читает». «Обвинение? Вы что же: военный прокурор?» — спрашивает, а сама на этого, на Колю оглядывается. «Нет, по службе я не прокурор. Я по дружбе прокурор». Она говорит: «Вы меня извините, я вас совершенно не понимаю». Говорит, а сама к технику-лейтенанту жмётся...

«Вот что, капитан Соколов мне так сказал: «Ты к ней приди и в глаза ей посмотри. Придешь — расскажешь».

Тут я смотрю на неё. Лицо у неё испуганное, красивое такое, что и сказать нельзя. Глаза серые, большие и брови тёмные вразлёт. «Ну, что, спрашивает, посмотрели?» «Да, посмотрел».

«Ну и хорошо. А что же, письма вы не привезли?»

Тут я ей строго: «Вы от кого же, интересно знать, письма ждёте? От кого?» «Как от кого? От него, от капитана Соколова. От Пети».

«От Пети? Очень у вас, дорогая гражданка, память короткая. Его не Петей зовут. Его зовут Вася». Тут она глаза ещё шире открывает: «Вася? Какой Вася? У нас нет никакого Васи. У нас есть родной брат Петя Соколов. Капитан Петя Соколов».

Тут я, конечно, падаю на стул и таким, знаете, не своим голосом говорю: «Капитан Василий Соколов, лётчик?» «Нет, капитан Пётр Соколов, танкист». «Василий Соколов — ваш супруг?» «Нет, Пётр Соколов — мой брат, мой и колин. А супруга у меня пока ещё нет».

Тут я открываю рот, а эта Вера и брат

её техник-лейтенант Коля поднимают такой грохот, что стены дрожат.

Я говорю: «Говоришь, что же это такое? А сам книжку записную достаю. «Вот адрес: Москва, Полянка, 34.» А Вера хохочет и спрашивает: «Какая?..» Я говорю: «Москва одна». «Москва-то, одна, а Полянки две». «Как две?..» «А так, две. Большая и Малая. Наша Большая».

Ну, тут, знаете, я не буду вам рассказывать, как мы этот вечер вместе провели, это, знаете, очень длинный рассказ будет. В общем расстались мы друзьями, а когда прощались, мне Вера говорит: «Вы Колю очень напугали. Он думал, вы контуженный и заговариваетесь». «Да, я теперь понимаю, почему он на мои нашивки смотрел».

В общем посмеялись мы, и Вера говорит: «Вот какие в жизни интересные совпадения бывают. А я вас ещё поцеловала».

Тут я ей руку пожимаю. «Ничего, говорю, Вера, поцелуй за мной. Вернёмся с победой, я вам его верну».

А она: «Обязательно». «Что обязательно?» «Обязательно, возвращайтесь с победой», — а у самой глаза смеются.

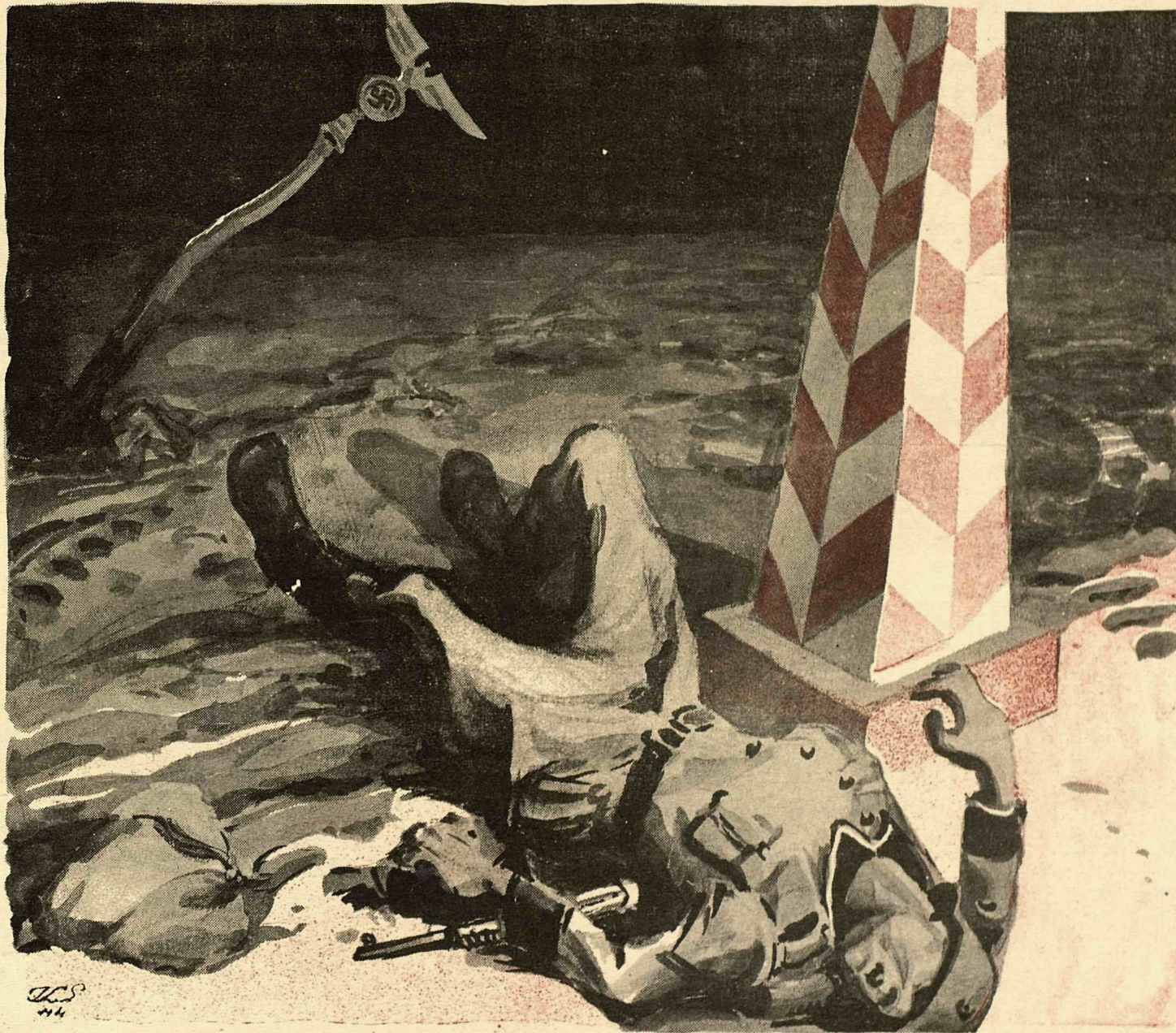
Расстались мы, а на другое утро нашёл я Малую Полянку, — жену капитана Соколова нашёл. Обрадовалась она. Я привет ей передал и в глаза ей посмотрел. Хорошо у неё глаза, синие.

Только, знаете, лично мне больше серые нравятся.

Борис ЛАСКИН

НА ГРАНИЦЕ

Рис. К. Елисеева

Еле унёс ноги.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.

Москва. Изд. № 642.

Подписано к печати 1 XI 1944 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. вл. в 1 печ. л. 78 000.

A5329

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2556. Тираж 100.000 экз.

КРОКОДИЛ

№ 12 ИЮНЬ

МОСКВА 1941

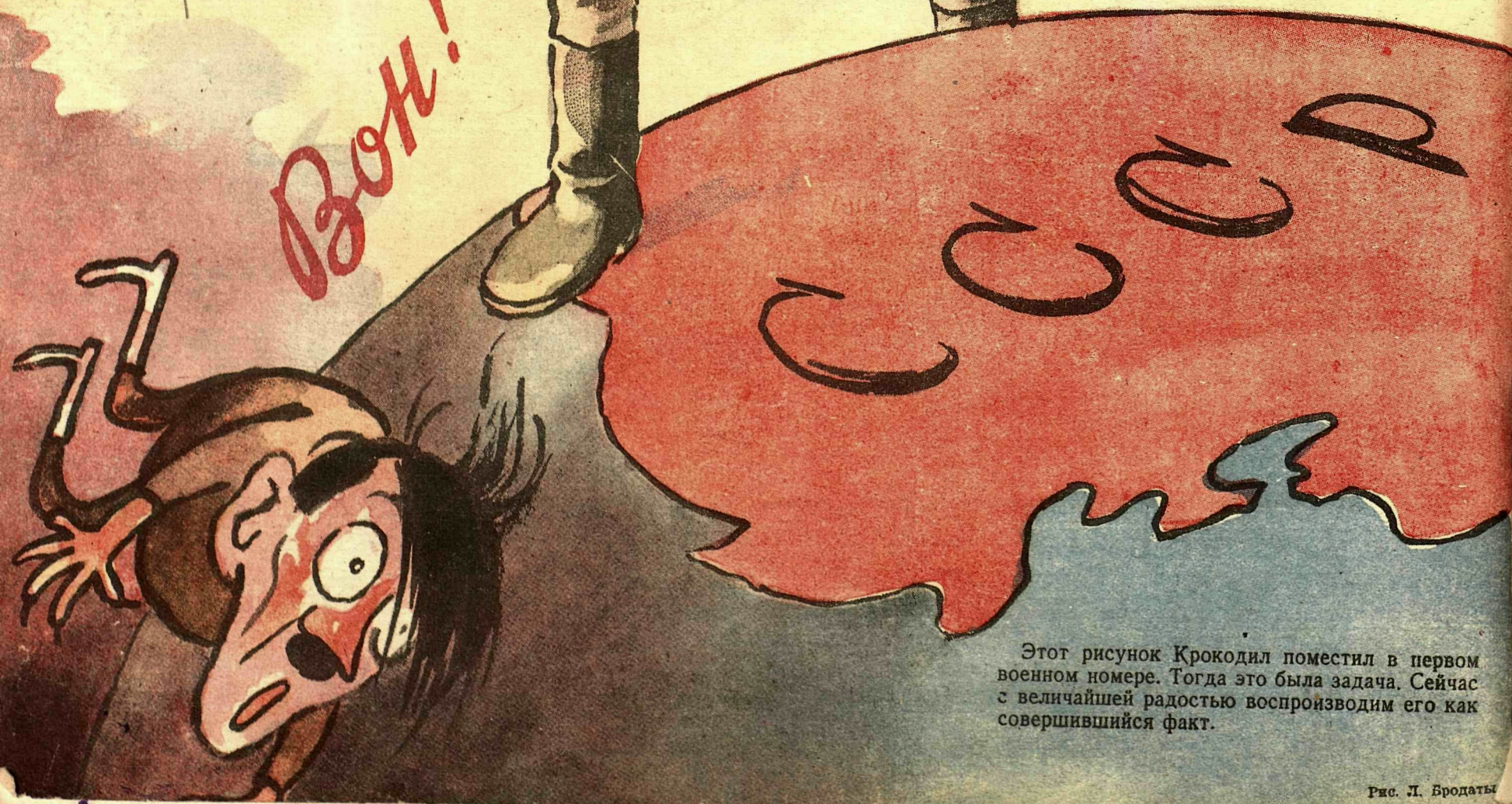
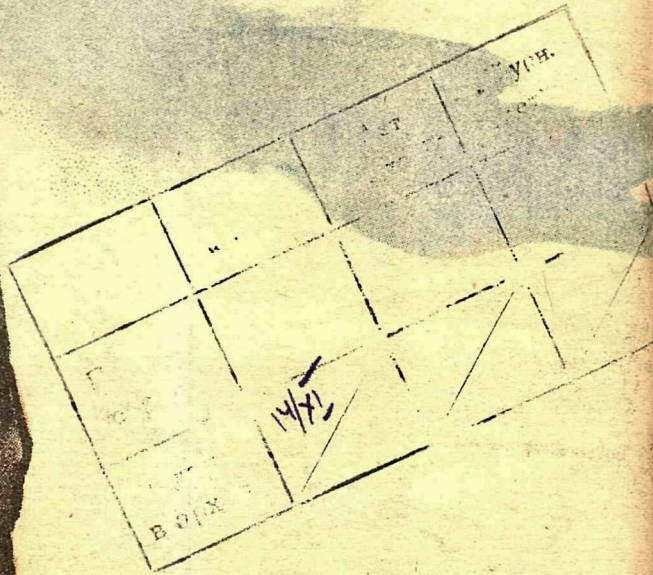
492

3317

СЕРВАТ. ЭКЗАМПЛЯРЫ
13 НОЯ 1944
Восс. Кн. Палатой Получены

44/44

Вон!

Этот рисунок Крокодил поместил в первом военном номере. Тогда это была задача. Сейчас с величайшей радостью воспроизводим его как совершившийся факт.